

ЖОРЖ ДЮМЕЗИЛЬ

МИФЫ И БОГИ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2024

УДК 82-34
ББК 82.3(0)
Д96

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

*Перевод с французского — А. М. Иванов
Составитель и автор комментариев — Эрве Куто-Бегари*

Дюмезиль, Ж.

Д96 Мифы и боги индоевропейцев. — М.: Тотенбург, 2024. — 320 с.

После десятилетий игнорирования произведения Жоржа Дюмезиля признаны сегодня одним из главных источников, к которым должны обращаться не только историки, этнологи, но и просто «честные люди», желающие лучше понять фантастические приключения, о которых рассказывается в мифах и религии индоевропейцев, этих народов, которые расселились из центрального очага на пространстве от берегов Северной Атлантики до равнин Индии и Кавказских гор.

Нелегко найти опорные точки в этом огромном творческом наследии, рассеянном по многочисленным книгам. Незадолго до своей смерти Жорж Дюмезиль сам в принципе одобрил составление сборника, целью которого должно стать посвящение в его творчество. Этот сборник, не претендуя на исчерпывающий характер, стремится представить основные темы исследований и извлечь уроки из его методики, интересной для всех общественных наук.

**УДК 82-34
ББК 82.3(0)**

© А. М. Иванов,
перевод с французского, 2023
© Издательство «Тотенбург», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ.....	4
ВВЕДЕНИЕ. ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ.....	9
ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.	
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ.....	34
Глава I. В поисках «идеологии» индоевропейцев....	44
ВТОРАЯ ЧАСТЬ.	
ТРОЙСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ	
ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ.....	67
Глава II. Три космические и общественные функции.....	79
Глава III. Тройственная теология	116
Глава IV. Различные функции в теологии, мифологии и в эпосе	156
ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ.	
КАК ДЕЛАЕТСЯ ИСТОРИЯ.....	196
Глава V. Архангелы Зороастра и римские цари Цицерона.....	210
ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ.	
РАССУЖДЕНИЕ О МЕТОДЕ	228
Глава VI. Заметки о трехфункциональной интерпретации индоевропейских браков.....	247
Глава VII. Реабилитация Снорри.....	255
ПЯТАЯ ЧАСТЬ.	
ФИАС СИКОФАНТОВ	286
Глава VIII. Pro domo revisited.....	289
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. LUDUS SCIENTIAE	309
ОТКУДА ВЗЯТЫ ТЕКСТЫ.....	313
БИБЛИОГРАФИЯ.....	314

ПРЕДИСЛОВИЕ СОСТАВИТЕЛЯ

Жизнь Жоржа Дюмезиля — это история интеллектуальных поисков, фантастических по своему размаху и продолжительности. Впервые изложив свои тезисы в работе «Пир бессмертия», он поставил проблему, которой в основном занимался на протяжении всей своей жизни, — он исследовал индоевропейскую мифологию. Пусть доказательства, которыми он обосновал свои тезисы, были ошибочными, программа, намеченная в этой первой работе, оставалась в силе до конца. В 1928 году, всего через четыре года после «Пира бессмертия», статьёй «Амирани и его собака» он начал серию кавказских исследований, которые стали главной темой научной деятельности и публикации Жоржа Дюмезиля вплоть до его смерти и, можно сказать, даже после нее, потому что материалы с текстами на языке убыхов продолжали публиковать еще несколько лет.

Его творчество показательно своей продолжительностью, но прежде всего своим объемом, его результатами — каталог его работ насчитывает около 500 наименований, а том числе 60 книг и 300 журнальных статей; столь же велик и объем документации: в ней учтен вклад всех индоевропейских народов, за исключением балтов, от мифологии которых остались лишь едва заметные следы. Центральное ядро образовали мифологии двух народов — римлян и индийцев, но в процессе мифотворчества постоянно принимали участие также иранцы (в индоиранской группе Дюмезиль впервые нащупал трехфункциональность), и германская мифология также была обширным полем его исследований. Франсуа-Ксавье Дильман подчеркивает, что «наряду с работами, посвященными в основном германской мифологии, такими как "Мифы и боги гер-

манцев" (1939), "Локи" (1948), "Сага о Ходингусе: от мифа к роману" (1953 и 1970) и "Боги германцев" (1959), Ж. Дюмезиль никогда не упускал возможность с выгодой использовать уроки скандинавских мифов в своих обширных сравнительных исследованиях индоевропейской мифологии. Когда это требовалось в процессе этих исследований, он изучал языки не только индоевропейской группы».

Что касается объема его кавказской документации, второй большой страсти его жизни, то она не имеет себе равных, потому что он был практически единственным в мире лингвистом, который непосредственно знал (и знакомил с ними других) языки всех трех больших лингвистических групп Кавказа (северо-восточной; северо-западной и южной). Особенно он любил язык убыхов, который он спас от забвения, но это не помешало ему внести заметный вклад и в изучение других языков: он знал бесленейский диалект черкесского языка и очень гордился тем, что с помощью эпических сказаний о битвах установил этимологию слова «небо» в армянском языке. Работа под скромным названием «Убыхский глагол» представляет собой настоящую сравнительную грамматику языков Северо-Западного Кавказа.

Следует также вспомнить о его «второстепенных» работах о языке кечуа (язык индейцев Перу) и обнаруженном им любопытном сходстве числительных в языке кечуа и в турецком языке, а также в его «мифических фантазиях», самая знаменитая из которых «Черный монарх в Варенне», вызвавшая удивление своей оригинальностью. В конце жизни он намеревался написать нечто в таком же жанре под завлекающим названием «Семь жен Синей Бороды».

Все это надо учитывать, чтобы понять творчество Ж. Дюмезиля во всей его полноте. Его интеллектуальная

биография была бы в этом отношении волнующей. В какой-то момент он лелеял эту идею, потому что объяснил в предисловии к первому тому «Мифа и эпоса», что намерен написать книгу «в назидание студентам о путях исследований, о трудностях, которые им встретятся, о возможных ошибках и о принципах их исправления». Это прекрасное намерение было недолговечным.

Исходя из того принципа, что «когда произведение искусства закончено, можно не обращать внимания на леса», он всегда отказывался писать свои «Воспоминания», хотя многие рассыпанные примечания давали обильный материал, который можно было бы однажды использовать.

* * *

Ориентироваться в его изобильном творчестве, даже ограниченном его интеллектуальным аспектом, — задача нелегкая для непосвященного, который может сбиться с пути из-за рассеянности материала по разным книгам, пересекающимся друг с другом. Дюмезиль сам объяснил эту кажущуюся анархию, когда его резко упрекнул за нее один критик.

«Я хорошо знаю, что господин Паж испытывает нетерпение, когда он видит, что я часто повторяю один и тот же материал. В первых строчках своей статьи он предупреждает читателя: "Сочинения Дюмезиля имеют тенденцию к повторению и в перedelке, и не всегда легко решить, какой текст цитировать". В действительности то, что он называет моими повторениями, это явления трех видов. Когда изложение охватывает материал в целом, подводит, так сказать, "баланс", я даю более или менее длинное резюме, без дополнений, того, что кажется мне актуальным для исследования в той или иной части этого целого; в других случаях я воспроизвожу или резюмирую, с минимальными изме-

нениями, более ранние тезисы или доказательства, потому что они помогают объяснить новый факт такого же рода из другой области, который раньше не признавался таковым. Или я воспроизвожу более ранние тезисы или доказательства, чтобы улучшить их, внести исправления или добавления, сделать объяснение более четким, как выражается господин Паж, *by recasting it*. Я признаю, что такая моя манера работы неудобна для торопливого читателя, но надо, чтобы этот читатель понял, что "наука, находящаяся в процессе становления", как любят говорить у нас в Коллежде Франс, начала 60 лет назад с ничего и с тех пор продолжает неустанно преодолевать интеллектуальные и временные трудности, порой бури, и не может серийно производить сочинения, спланированные с самого начала *ne varietur*, вносит дополнения, а не сидит уверенно в седле как "готовая наука"».

Дюмезиль, таким образом, прекрасно создавал эту трудность. Однако, подобно тому, как друиды не хотели, чтобы наука застывала в мертвых знаках, они видели ее непрерывно возрождающейся, он всегда испытывал сильное отвращение к конденсации в синтезе результатов того, что он называл своими «раскопками». В 1983 году он твердо осудил «соблазн написать учебник».

«Недавно один из упростителей дал мне на прочтение свой проект компиляции, сказав при этом: "Надо, чтобы на этом была поставлена точка, потому что отныне надо будет ссылаться только на этот труд". Я могу только порекомендовать проявить больше терпения и скромности. Результаты, полученные до сих пор, не бесспорны, точку ставить рано, исследования идут полным ходом, ежегодно появляются неожиданные элементы, совокупность которых, несомненно, заставит изменить баланс целого. И главное, внимательное знакомство с трудными достижениями прогресса, с меандрами и тупиками в исследовании принесет

больше пользы образованию и даже будет более увлекательным, чем чтение учебника, который писать рано».

По правде говоря, его отказ объяснялся личными мотивами: ему было за восемьдесят, он почти не выходил из своей квартиры на рю Нотр-Дам-де-Шан, создавалось впечатление, что у него нет более тесного контакта с новыми руководителями и он не осмеливается начать новую книгу. Зато он в принципе дал согласие на издание небольшого сборника текстов, составление которого он хотел доверить тому, кто не был бы специалистом в области сравнительной мифологии: «Вы не будете пытаться поставить в привилегированное положение конкретную область исследований».

Когда он умер в октябре 1986 года, организационная работа по составлению этого сборника уже началась. Но он дал мне несколько руководящих принципов: не претендовать на исчерпывающий характер сборника, а лучше попытаться проследить логику его творчества; отобрать, по мере возможности, достаточно длинные выдержки, без купюр, чтобы эти выдержки не были произвольно оторваны от контекста.

Я стараюсь придерживаться этих принципов. Разумеется, только я был ответственным за подборку текстов. Вероятно, Ж. Дюмезиль придал бы этому сборнику иную архитектуру. Читатель должен всегда помнить, что этот сборник ни в коем случае не подменяет собой оригиналы: это всего лишь **книга посвящения**. Я только надеюсь, что не окажусь недостойным доверия, которое мне было оказано, и что эта книга позволит новым читателям открыть для себя огромный мир, получить одновременно урок методики (сам Дюмезиль пугался этого термина) и обрести основу, на которую должны будут опираться историки религий и мифов.

Э. Куто-Бегари

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЛЕКЦИЯ

Жорж Дюмезиль никогда не стремился к популяризации: в его огромной библиографии почти нет синтетических работ, предназначенных для широкой публики, «образованной», но мало знающей о его исследованиях. Даже такая ясно написанная работа, как «Тройственная идеология индоевропейцев», предполагает со стороны читателя минимальный объем знаний об индоевропейцах или об исходных принципах сравнительного метода, на которых Дюмезилю не было необходимости останавливаться. Однако в 1949 году, с промежутком в несколько месяцев, он опубликовал два текста, предназначенных для презентации его работ более широкому кругу, нежели круг его постоянных читателей: первую главу «Материал, предмет и средства исследования» из первоначально предназначавшейся для англосаксонской публики книги «Индоевропейское наследие в Риме» и вступительную лекцию, прочитанную в Коллеж де Франс 1 декабря 1949 года. Здесь воспроизводится второй из этих текстов:

«Господин ректор, дорогие коллеги, дамы и господа!

Те исследования, которые намерен предать гласности Коллеж де Франс, названы несколько неправильно. Речь не идет о "индоевропейской цивилизации", как в тех случаях, когда говорят о цивилизации ассирийцев, китайцев или римлян, исходя из непосредственных наблюдений и описаний.

А на что опереться, если нет ни архивов, ни письменных документов, ни памятников? Где по крайней мере индоевропейские **реалии**, которые существуют, может быть, и нельзя даже предположить, каким образом они позволят однажды утверждать, что они при-

надлежали человеческой группе, которая пять тысяч лет тому назад говорила на общем языке, от которого произошли т. н. индоевропейские языки, как позже романские языки отпочковались от латинского. Мы хорошо видим — именно благодаря сравнению языков, — что люди этой группы умели лепить, прясть, шить, управлять повозками и имели корабли, потому что латинские слова *fingo, neo, suo, veho, navis*, как и другие, имеют точные соответствия в других языках, от индоиранских до германских; исходя из соответствий в этих трех языковых группах, исторически разделившихся, индоиранской, германской и латинской, мы приходим к выводу, что индоевропейцы обрабатывали металл, представляющий собой разновидность бронзы. Но ни на каком керамическом изделии, ни на каком обломке повозки или корабля, ни на каком доисторическом предмете, вырытом из земли, нет надписи "индоевропейцы".

Соответствие латинского *ensis* и "аси" ведическо-го санскрита позволяет утверждать, что какая-то разновидность меча называлась этим словом у всех индоевропейцев или их части. В витринах музеев Центральной и Восточной Европы можно увидеть мечи, владельцы которых за три тысячи лет до нашей эры обычно ставили свое имя, но никаким рациональным способом не связать это оружие с этим существительным. Говоря обобщенно, между теми прекрасными и все более богатыми урожаями, которые собирают археологи доисторических эпох на полях раскопок, и понятием "индоевропейский народ", которое родилось как необходимый вывод, сделанный после лингвистических исследований, длившихся полтора столетия, все более точных и убедительных, и этой конкретной коллекцией фактов, относящихся к материальным цивилизациям, и этой национальной общности, не прослеживается никакой реальной связи. И мы занимаемся эти-

ми не идентифицированными следами больше, чем самими индоевропейцами.

В действительности, как и во всех случаях, когда речь идет о "индоевропейцах", мы изучаем не доисторические эпохи, а историю, самую древнюю доступную историю каждого из народов, о которых известно, что в их состав входил индоевропейский элемент, достаточно сильный для того, чтобы навязать свой язык. Иногда термин "индоевропейский" вызывает раздражение, но возражения несостоятельны: подчеркивают, например, что он плохо сформулирован, поэтому это содержит в себе ссылку на зоны обитания, в которых в итоге осели расселившиеся народы, а не на исходную зону обитания народа-предка, а также потому что он приравнивает одну Индию, часть Азии, ко всей Европе. Это правда. Но при всестороннем осмыслении становится понятно, что эта неадекватность названия имеет своей целью именно то, на что она указывает: этот термин таков, каким он и должен быть: это **условный** знак, приписывающий индийским, иранским, германским, итальянским и прочим фактам общность происхождения; знак указывающий на то, что общность происхождения — это гипотеза, объясняющая с наибольшей вероятностью соответствия между этими историческими фактами, разбросанными на такой большой территории.

И цель ограничена; те, кто занимается сравнительными исследованиями, лингвисты и другие ученые, знают, что реконструкция в живом, драматическом виде языка или цивилизации наших общих предков невозможна, ибо никто не может заменить документы, а документов нет. Они только считают своей первой задачей установление в Индии, в Риме, в Скандинавии и т. д. однородных фактов, однородность которых такова, что наиболее правдоподобным объяснением будет общность происхождения; второй своей

задачей, неотделимой от первой, они считают изучение этих соответствий, выявление в них отношений нового порядка, позволяющих их классифицировать, связывать, одним словом, понимать их как "систему", ибо в человеческих представлениях все, или по меньшей мере главное, это система, ясная или такая, смысл которой скрыт, хрупкая или строгая, наивная или утонченная, но система, и лучшее средство изменить эти представления, изучая это, под предлогом осторожности и объективности, не искать определенную систему или определение системы.

* * *

Та идея, что систематические соответствия индийских, римских и других фактов существуют и представляют собой поле для исследования, первоначально была всего лишь рабочей гипотезой. Работа продвигалась, гипотеза подтверждалась и, как всегда в науке, с какого-то момента основывалась на непрерывно обновляемых и контролируемых наблюдениях и констатациях. Индоевропейская сравнительная лингвистика давно уже достигла такого уровня, и забылось, что сначала она наткнулась на непонимание, иронию и возмущение.

Мы, наоборот, будем заниматься фактами материальной цивилизации, коллективными представлениями и учреждениями, культурами, легендами, социальной структурой индоевропейских народов, и в этой области такое счастливое единодушие пока не достигнуто, несомненно, прежде всего по той причине, что здесь предстоит наблюдать более сложные факты и их взаимосвязи, а также потому, что эти исследования начались совсем недавно, начало было плохим, и это породило неблагоприятные предрассудки. Но эта область сравнительных исследований имеет за собой такое же прошлое, как и предыдущая. Как только родство язы-

ков было признано, перешли к текстам: Веды, Гомера, Вергилия, Эдду сравнивали те же люди, которые сравнивали грамматики и словари, и даже еще быстрее, чем в случае с языками, казалось, можно реконструировать образ мыслей, в частности, религиозное мышление индоевропейцев. Это было кратковременное увлечение. Слишком много было априорного, отсутствовал исторический подход, данные этнографии оставались совершенно неизвестными, социология не принималась во внимание, возникали литературные миражи вроде обобщенной соляной мифологии или мифологии грома и молнии, постоянно смешивались факты языка и цивилизации, которые взаимосвязаны, но иным образом; было больше энтузиазма, чем критики; этим объясняется неудача.

Но неудача была несомненной: понадобилось более пятидесяти лет, прежде чем удалось прийти к согласию.

С тех пор и до недавней эпохи царила реакция, притом реакция законная, как видите, в начале; она выражалась разными способами. Лингвистика лучше понимала свои пределы, отвергая в мифах и учреждениях не очевидную солидарность, а беспорядок, компрометирующий империализм. С другой стороны, в каждом регионе индоевропейского мира ученые-специалисты, филологи, трактующие тексты, и историки, занимающиеся отдельными народами, не только считали безрезультатными труды первого поколения компаративистов, в чем они были в общем-то правы, но объявляли ненужными и опасными любые новые работы в этом направлении. Такое настроение остается весьма распространенным. Шведский ученый, который посвятил свою долгую и плодотворную карьеру изучению греческой религии, Мартин П. Нельсон, приглашенный в 1932 году в Германский институт в Риме, начал свою лекцию о религиях двух классических народов со слов:

"Эти две религии (греческая и римская) — одного корня, как и эти два народа. В доказательство часто указывают на сходство имен атмосферных богов (*Wettergötter*) — Зевса и Юпитера; и у обоих этих народов этот бог стал величайшим; к сожалению, с этим мало считались, и переход его в другое качество не был значительным. Гестия-Веста была богиней культа очага, собственного патриархальной семье. Мы не ошибаемся, предположив, что религия, которую принесли с собой в Грецию и Италию завоеватели, была слабо развитой *Naturreligion*, какую мы находим у всех первобытных народов и которую мы легко можем себе представить".

Такой приговор вынес семнадцать лет назад один из самых уважаемых мэтров классической филологии, который до гитлеровских эксцессов был одним из двух издателей *Archiv für Religionswissenschaft* и которым до сих пор восхищаются авторитетные ученые. Эти несколько строк хорошо показывают составные элементы того умонастроения, которое господствовало к тому времени уже пятьдесят лет. Индоевропейское наследие теоретически признавалось даже сверх всякой меры, ибо я не думаю, что можно говорить, будто в своей совокупности две религии, греческая и римская, "выросли из общего корня". Но от этого наследия, доказательного аппарата и выводов сразу же не остается почти ничего: лишь несколько имен бесплотных божеств. Всякого упоминания какого-либо из индоевропейских народов, кроме двух классических, избегают. И прежде всего нам внушают, что для того чтобы составить представление об индоевропейской религии, нам незачем терять драгоценное время, проводя сравнения с ранними состояниями исторически практиковавшихся религий, и не надо пытаться, отмечая совпадения, определять унаследованные элементы; нам говорят просто, что у индоевропейцев была "религия

первобытных народов”, в тексте так буквально сказано. Понимаете, что за религия? Школа теоретиков сфабриковала ее из варева самых разных этнографических описаний, влив в нее приятные дозы безликой силы «мана», священных деревьев и источников, лесных духов, обрядов очищения и, разумеется, колдовства, магии.

Результат этого приговора, вынесенного специалистами, для каждого индоевропейского региона будет одновременно упрощением проблемы происхождения и предоставит полную свободу ее решения. Везде, где речь пойдет о религии, эта проблема будет формулироваться так: “Каким образом эта *Natturreligion*, которую нам выдают за индоевропейскую, хотя она не имеет отличительных черт, особого наследия, своего рода минимума, жизненно необходимого для любого общества, каким образом с этого низкого, недифференцированного уровня ведические индийцы, греки или латины, каждая группа создала по кусочкам, независимо, ту очень точную форму религии, какую мы знаем по письменным документам?”

* * *

Мы пойдем другим путем. Нам кажется, что преодолев иллюзии старых компаративистов, реакция, первоначально здоровая, прошла точку равновесия и впала в новые иллюзии. Мы не считаем себя вправе решить вопрос об индоевропейском наследии с такими небольшими затратами, отождествив его обобщенно с усредненной *Natturreligion*. Нельзя априори утверждать, что мы можем “легко себе это представить”. Именно эта легкость нас и беспокоит: купленное по дешевке непригодно к длительному употреблению. Мы предпочитаем наблюдать, сравнивать то, что мы имеем исторически, в тех или иных местах, в расчете на то, что удастся проникнуть в индоевропейское про-

шлое, а не решать заранее, что мы в нем найдем, какой фактор останется общим и каким будет уровень сложности этого остатка. Для нас речь идет лишь о том, чтобы хорошо организовать и правильно интерпретировать наблюдения.

Наблюдать значит сравнивать, т. е. охватывать одним аналитическим взглядом первичные данные, полученные из разных обществ; выделять вторичные данные, именуемые "сравнимыми фактами", т. е. соответствия на основе различий; эти соответствия и эта основа должны в свою очередь получить самое правдоподобное объяснение.

Сравнивать, измерять и ограничивать соответствия, объяснять их, — таковы три этапа любого сравнительного исследования, включая наше. Я не буду описывать вам все три, опишу лишь последний; у меня нет времени, к тому же первые два я уже не раз объяснял, и мне кажется возможным — кроме пар Зевс — Юпитер и Гестия — Веста — сравнивать факты и устанавливать соответствия между характерными чертами общественной или семейной организации или между мифами или легендами индийцев или индоиранцев, с одной стороны, италиков, германцев и прочих — с другой стороны. Но что означают, что доказывают эти соответствия?

В принципе, соответствия между двумя исторически разделенными обществами (я говорю "двумя" для упрощения) могут иметь четыре объяснения: либо это случайность, либо причиной была естественная необходимость, либо имело место прямое или косвенное влияние, либо налицо генетическое родство, либо в виде филиации одной из частей от другой, либо братства на одном и том же уровне, восходящего к третьему, более общественному божеству. Отметим сразу, что в тех случаях, которые нас интересуют, последнее объяснение, генетическое родство, может быть лишь

"разновидностью общего наследия", а не "филиацией": так же, как языки греческий, латинский и т. д., не произошли от санскрита, а являются языками-братьями, так и ни одно из индоевропейских обществ, т. е. цивилизаций, которые мы изучаем, не является филиацией другой. Отметим также, что это объяснение соответствий генетическим родством, вносящее уточнения при объяснении "общего наследия", заведомо допустимо и даже рекомендуется, потому что многие общества, цивилизации которых сравниваются, говорят на языках, произошедших от одного и того же материнского языка, и многие из этих языков имеют общий, богатый и связный словарь религиозных, политических, юридических и моральных терминов: между понятиями "язык" и "цивилизация" в древние эпохи связь была более тесной, чем в наши дни. Однако, несмотря на эти благоприятные обстоятельства, лучший метод — объяснять все "общим наследием" лишь в том случае, если три других объяснения — случайность, естественная необходимость, влияние — менее вероятны или вообще невозможны. Оценка в каждом случае будет особой, с учетом того, в какой мере совпадают разные случаи. Как правило, можно сказать, что совпадения в тем меньшей степени можно приписать случайности, чем они многочисленнее и прежде всего чем лучше они связываются в систему; их в тем меньшей степени можно приписать естественной необходимости, чем они оригинальнее, и если они географически и исторически строго ограничиваются индоевропейским оригиналом, либо в самом начале, либо по меньшей мере в той особой форме, какую они в нем обрели. Я вкратце расскажу с этой точки зрения о некоторых фактах, о которых говорилось в предыдущих работах.

Я считаю, что совпадение имен Зевса и Юпитера малоинтересно, равно как и то, что они оба "великие боги" и стоят во главе двух очень разных пантеонов. Если мы оставим в стороне Грецию, где индоевропейское наследие незначительно, оно, несомненно, раздавлено блестящими доэллинскими цивилизациями Эгейского моря, если мы оставим в стороне ее и собственные имена, которые в религиозной структуре сравнительной теологии не имеют того значения, какое им приписывают, и сравним теологические системы древнейших римлян и индоиранцев, аналогии между высшими богами той и другой хорошо впишутся на этот раз в весь контекст.

Тип великого бога, небесного и верховного, о котором свидетельствуют эти аналогии, не только стоит и здесь, и там во главе (хотя его полномочия описаны расплывчато) всех остальных, но занимает в точности то же самое место во главе тройственной иерархической системы богов, в которой два других уровня — уровень воинов и уровень народа-производителя — в Риме и у индоиранцев одинаковы (в Риме, вы знаете, на это я намекаю: на самую древнюю божественную трицу, служителями которой были три главных фламينا, составляющих иерархию).

Рассмотрим теперь поближе, каким образом в Риме древняя теология, древний культ и легенды анализировали и использовали высшего бога. Мы видим его с двух сторон. С одной стороны, это Юпитер Ромула, т. е. учредитель ауспиций, *Stator*, неистовый чудотворец, *Feretrius*, дарующий победу царям, а с другой стороны *Dius*, который дал свое имя следящему за точным исполнением всех ритуалов римскому священнослужителю — *famendialis* — бог клятв, *Dius Fidius*,

отец той Фидес, которой вместе с Термином, богом границ и собственности, отдавал предпочтение Нума; таким образом, Юпитер превращался в бога-мага, фатального и сильного, статичного бога юристов. И если мы снова перенесемся к индоиранцам, мы увидим, что и у них теология ставит на первый уровень их тройственной иерархии не одного бога, а двух тесно взаимосвязанных верховных богов: одного более космического, более магического и более страшного и другого, само имя которого значит «Договор», более ориентированного на человека, более благосклонного, более юриста.

Проследив то же самое разделение в другой плоскости коллективных представлений, мы увидим, как в сказаниях о начале Рима, так и в преданиях о сказочных древних временах Индии такое же раздвоение "героя-основателя": с одной стороны, Пуруравас, могучий царь, необузданный и немного демонический, и с другой стороны его уравнивает Ману, спокойный и благочестивый законодатель, основатель солнечной династии; точно так же, как в Риме противостояли друг другу и уравнивали друг друга два отца города: Луперк, вспыльчивый Ромул, сын Марса, и серьезный, благочестивый законодатель Нума.

Остановимся на этой теме. То, что идея деления общества и даже всего мира на три части, на уровни священнослужителей, воинов и производителей, не является монополией индоиранцев и римлян, несомненно, однако она не универсальна. То, что мы знаем о древнем мире, в частности, о великих обществах, о египтянах, западных семитах, вавилонянах и, судя по тому влиянию, какое они оказали на исторических эллинов, доэллинских обитателей Греции, а также о китайцах, такое деление на три части, теоретическое или практическое, характерно только для индоевропейских народов или тех, которые находились в тесном контак-

те с индоевропейцами. Равным образом другая идея, согласно которой Верховное божество имеет два лица, одно более космическое, более магическое и более страшное, и другое более человеческое, более юридическое и более благочестивое, отдаленно напоминает известные типы двоецарствия: один царь-правитель, другой священнослужитель или один правит в мирное время, а другой — во время войны.

Но первоначально те формы, в которые облакались, каждое в отдельности, оба эти представления, в Риме и в ведической Индии были особо чистыми: с одной стороны, иерархические, тесно связанные троицы богов с четкими характерными чертами, а с другой — пары противоположных божественных фигур, с двойниками в виде пар героев-основателей, личности которых определяются просто, но богато иллюстрируются. И прежде всего эти два представления, в Риме, как и в Индии, не кажутся нам не зависящими друг от друга, заключенными в разные рамки; благодаря слиянию Верховного божества с религиозным уровнем иерархической троицы эти представления взаимно связываются, пара дополняющих друг друга Верховных божеств все больше сводится к одному лишь первому уровню иерархической троицы.

Добавим к этому, что в Риме, как и в Индии, сказания о том, как строились состоящие из трех частей общества, божественное и человеческое, однозначно повествуют о том, что началось с жестокой войны между представителями двух высших уровней и представителями третьего, еще не связанными, разделенными даже взаимным презрением, а потом был внезапно заключен мир и создан союз, который не испытывал больше никаких потрясений. Добавим, что на первом уровне, уровне религиозного Верховного божества, либо непосредственно вводились в практику, либо пе-

ремещались в виде мифических фигур корпорации священнослужителей противоположного характера, подобные двум верховным богам: в Риме это были луперки Ромула и фламины Нумы, в Индии гандхарвы Варуны и брахманы Митры — фламины и брахманы с одной стороны, луперки и гандхарвы с другой, по своему значению и статусу были впечатляюще сходными. Добавим и другие черты, которые мы отметили, но о которых я не буду здесь говорить. Я не верю, хотя пытался их искать, что в какой-то точке мира, кроме Индии (точнее у индоиранцев) и Рима, а также других индоевропейских регионов, о которых я буду еще говорить, найду столь же точные и столь же эпические, концептуально продолжительные такие несложные построения. Встречая какие-то случаи в отдаленных друг от друга местах (обозревая древний мир и анклавы исторического индоевропейского ареала, легко было провести проверку и сделать негативные выводы), я убедился, что даже тогда общность наследия в Риме и у индоиранцев оставалась самым правдоподобным объяснением, более правдоподобным, чем возможность независимого развития в двух местах, по следующим причинам.

Кроме Рима и индоиранцев, еще одна область дохристианского индоевропейского ареала представляет ту же самую идеологическую структуру. Это скандинавы, единственные наряду с классическими народами Европы и Азии, кто действительно оставил нам систематическое и четкое описание их мировоззрения.

И здесь, в формулировках и в легендах наблюдается такая группировка богов, при которой, с вариациями, одни боги — это боги всех германцев (по главному своему занятию воины), а другие — боги Скандинавии или той ее части, где скандинавское общество сохранило свою обособленность на тех же уровнях:

верховный бог-маг Один, одинокий воин Тор и боги богатства и плодородия Ньордр и Фрейр. Боги этой группировки не духовные: один немецкий путешественник, христианин, с возмущением наблюдал за тем, как им служат в языческом храме в Упсале: они гарантируют в сагах исполнение проклятий, предаются в мифах божественным наслаждениям, участвуют в великой эсхатологической битве и т. д. Троичная система представлена здесь во всей полноте.

Но это еще не все. На первом уровне Один не один, рядом с ним другой бог, который носит то же имя, что и средиземноморские Зевс и Юпитер, — Тюр, бог, ориентированный на войну, как и сам маг Один, как и все боги древних германцев, но тем не менее на тинге, народном собрании, как и на войне, он остается гарантом клятв, богом соблюдения обычаев.

Добавим, что рассказ о формировании троичного божественного общества, засвидетельствованный в Индии и, с переносом на человеческое общество, в Риме, мы находим и здесь в истории войны, а потом слияния богов асов и великих богов ванов, т. е. богов уровня Одина и Тора и богов уровня Ньордра, Фрейра и Фрейи. Добавим, что очень точный символизм, на котором я не буду останавливаться, мы встречаем на этом уровне как у скандинавов, так и у римлян: у скандинавов маг Один одноглаз, а блюститель обычаев Тюр в наказание за героическую ложную клятву, которую пришлось дать для спасения богов, стал одноруким, а у римлян два спасителя рождающейся республики, один, старший Коклес, одноглаз, — он внушает страх, потому что он *cocles* — циклоп, а другой, исполнивший клятву герой Сцевола, Левша стал одноруким именно потому, что исполнил клятву (в Индии нет слов этой символики).

Так вырисовывается третий случай, даже обогащенный новыми совпадениями, сложная идеологиче-

ская структура, общая для Рима и индоиранцев. Маловероятно, что она могла возникнуть независимо в двух местах, а в трех? И эти три случая имели место именно у народов, говоривших на индоевропейских языках, тогда как не только упомянутые мной южные неиндоевропейские народы древнего мира, египтяне, вавилоняне и прочие, но и северные неиндоевропейские народы, угрофинны и народы Сибири никогда не имели ничего подобного. Я думаю, можно сказать, что редкость этой структуры и тот факт, что она встречается только в идеологиях народов, говорящих на индоевропейских языках, не позволяет объяснить эти совпадения общими наклонностями человеческого духа, коллективной жизнью или случайностью. Остается общее наследие или заимствование, о котором я до сих пор не говорил.

* * *

Заимствование — соблазнительное объяснение, которое кажется экономичным и в любом случае охватывает большую группу бесспорных, наблюдаемых фактов. Человеческие общества, и в мирное, и в военное время, постоянно заимствуют что-то у соседей, подражают им. История литературы и искусств — это в большей части история влияний; изучение циркуляции тем, вдохновляющих примеров, жанров, стилей, а также, насколько возможно, точное изучение посредников во времени и в пространстве. В доисторический период, независимо от миграций народов, технические достижения, декоративные изображения, несомненно, совершали дальние путешествия, равно как декоративные изображения, несомненно, совершали дальние путешествия, равно как мотивы сказок, таких как сказка о Полифеме; от очагов, таких как Вавилон, влияния расходились концентрическими волнами; во все эпохи одаренные люди, отдельные личности или

группы, прокладывали путь в дальние страны, где их охотно слушали, потому что они рассказывали о новых и интересных вещах. Может быть, удивительные совпадения между идеологиями Индии, Ирана, Рима и Скандинавии, целиком или частично, результат такой циркуляции? Структуры, их большие части или детали, начиная с которых легко можно было переоформить остальное после того, как они однажды возникли в каком-то одном месте, где были созданы каким-то особым обществом, и оттуда неисповедимыми путями заимствований достигли других обществ, заинтересовали их и были приняты ими.

И тут начинается великий спор. Я не отрицаю в принципе ценность любого такого рода объяснения проблемы, которую я изучаю; наоборот, я признаю, что между индоевропейскими народами, которые исторически были соседями (не только между Грецией и Римом, но также между иранцами и греками, индийцами и иранцами), и даже между народами, исторически разделенными большими расстояниями — их разными способами сближало подвижное, кочевое человечество (как скандинавы и северные иранцы в Средние века), имели место самые разнообразные влияния. Но действительно ли могли эти столкновения в ту эпоху иметь те последствия, которые я вкратце описал?

Прежде всего мы имеем лингвистический контекст, который делает заимствование маловероятным; никто, насколько я знаю, не предполагает, что такие латинские слова, как *rex*, *pater*, *jus*, *lex*, *deus*, *fides*, *purus*, *castus*, *voveo* и пр., выражающие основные, важнейшие понятия политической и религиозной жизни, были заимствованы у индоиранцев, у которых эти слова существовали и обозначали те же или близкие к ним понятия: для слов весь мир — общее наследие. Многие из этих слов (*rex*, *credo*, *fides*...) и их индийских соот-

ветствий занимают точно такие же места в идеологической структуре, о происхождении которой мы спорим; герой *fides* это Нума, им не мог быть Ромул; герой шраддха (индийское понятие, этимологически близкое к *credo* и семантически однозначное с *fides*) относится к Ману, он не может относиться к Пуруравасу; мы имеем здесь тот же кусок общей структуры, обозначенный тем же словом. Можно ли говорить, что словарь был наследием обоих сторон, а система представлений, с которой он технически связан, заимствована одной стороной у другой? Это маловероятно. Столь же трудна проблема посредников. Можно ли приписать все удачному путешествию и чудесному воздействию одной личности или команды корабля, которая организовала регулярные рейсы между ведической Индией или древним Ираном и царским Римом? И какие человеческие группы обеспечили передачу знаний? Ни греческое общество, ни греческий язык не обнаруживает таких аналогий, о которых идет речь, нет их и у других неиндоевропейских народов-мореплавателей Средиземноморья. Что же касается Скандинавии, то в захоронениях времен позднего язычества, IX и XI века нашей эры, находят аналоги не с религиозными структурами Индии, Ирана или Рима той же эпохи (эпохи сильных восточных и западных влияний), а с древними, сделанными еще до нашей эры захоронениями, памятниками ведической и римской религий. Не будем говорить, что это могло прийти с Востока, здесь не при чем ни буддизм, ни троица Брахма-Вишну-Шива, ни философия, ни маздеизм, ни манихейство: это ведические и доведические группировки богов: Митра-Варуна, Индра, Насатьи — эти надписи эпиграфически датируются 1400 г. н. э.: эти имена упоминаются во многих ведических гимнах и ритуалах, даже когда они перестали быть актуальными, вероятно 2500 лет спустя, о чем

свидетельствует скандинавская система Тюр, Один, Тор, Ньордр, Фрейр.

Нельзя угадать, что именно произошло за 1500–1000 лет до н. э., был ли это прямой контакт или связь через посредников между индийцами или будущими индийцами и будущими скандинавами или между ними и завоевателями Италии. Но тогда мы должны предположить, что это очень давнее заимствование очень долго и очень хорошо сохранялось в изоляции; именно вера в такое сохранение мешает многим согласиться с теорией индоевропейского наследия, они считают, что гипотеза заимствования выше других, а я не представляю себе, каким образом доисторическое заимствование могло сохраняться так долго, и не считаю, что эта гипотеза более правдоподобна, чем теория общего происхождения. Гипотеза заимствования встречает еще одно возражение, то, которое я уже излагал, критикуя объяснения случайностью или естественной необходимостью, но в данном случае оно является решающим: придется предположить, что эти циркулирующие представления, кто бы ни был их носителем, избирательно усваивались только народами, говорящими на индоевропейских языках, а народы, говорящие на угро-финских, семитских, египетском или кавказских языках, из этого процесса исключались. Придется предположить также, что индоевропейцы так хорошо акклиматизировались на своей территории, что два или три раза возводили на ней леса для строительства идеологии. Это сходство между индоевропейцами, этот автоматический, безошибочный выбор и эти локализованные успехи были бы странными и противоречили бы всему, что мы наблюдаем во всех известных случаях циркуляции, заимствования и влияний, когда этот процесс охватывает все народы, независимо от языка и происхождения.

Я повторяю слова "леса" и перехожу к третьему ряду возражений, которые опровергают объяснения заимствованием. Циркулировала не какая-то мелочь, а общая идеология. Позже происходили великие прозелитические движения — буддизм, христианство, манихейство, ислам. Но эти интеллектуальные и моральные захваты опирались на священные писания, на целые библиотеки книг, переведенных на многие языки; ничего подобного не было в древние эпохи, о которых мы говорим. Кроме этих настоящих идеологических потоков, которые каждый раз распространяли религию Писания, мы наблюдаем во времена крестовых походов, и до, и после них, циркуляцию литературных тем, которые мало изменились и мало приспособивались именно по той причине, что они не затрагивали суть жизни народов, оставаясь ориентирами, *minora*, приятным занятием на досуге, — они могли сохранять свой характер именно благодаря своей чужеродности.

Но мы занимаемся объяснением мира, который поддерживал общественную структуру, составлял легенды о происхождении и, соответственно, давал образцы, по которым установились правила общественной и индивидуальной жизни; эта идеология дала Риму Ромула и Нуму, Коклеса и Сцеволу, великих священнослужителей и великих богов Юпитера, Марса, покровителя квиритов и других. Эта идеология подвергала точному анализу людей, вещи и их взаимоотношения, она была самодовлеющей и предполагала умение использовать многие виды абстракций. Короче говоря, речь идет не о примитивном, дологическом и додеистическом бормотании типа «мана», а о подлинной философии, одновременно символической и дискурсивной, больше интересовавшейся вопросами **порядка**, чем вопросами **природы** или **бытия**, оставляя их мыслителям будущего, но это была цельная философия, те,

кто ею руководствовался, были добросовестными людьми, они не выглядели жалкими на фоне своих гордых на выдумки младших сыновей из Ионии и Великой Греции и с берегов Ганга. Если царский Рим заимствовал в своей идеологии и во всем, что от нее зависело, что-то равнозначное индоиранской идеологии, то правильнее говорить не о заимствовании, а о преобразовании. Совершались ли эти доисторические преобразования под влияниями, исходившими от соседей или издалека, более ли это вероятно, чем сохранение в разных ветвях индоевропейцев, разделенных их миграциями, сути их общего наследия, при том что мы заведомо знаем, на каких языках существовало это наследие? Я в это не верю.

Подведу итог. Мне кажется, что гипотезы случайных совпадений и сходного развития в нескольких местах благодаря свойствам человеческого разума или коллективной жизни не соответствуют количеству, слитности и оригинальности совпадений; что же касается гипотезы заимствования, то она, в общем, не согласуется ни с жизненной важностью систем совпадений, ни с тем фактом, что они наблюдаются исключительно у народов, говорящих на индоевропейских языках. Объявление, которое вызывает меньше всего возражений, — это общее наследие.

Но в тот момент, когда я заканчиваю эти обоснования, я должен вернуться к одному пункту, на котором настаиваю: мы не занимаемся восстановлением фактов времен индоевропейской общности и никогда не сможем их адекватно описать. Их вовсе не "легко себе представить". Как это делают историки, мы работаем с документами, с тем же, что и они, и не выходим за пределы того, что узнаем из них; мы просто путем сравнений, используя средства и гарантии, которые они дают, продвигаемся немного дальше — я не гово-

рю "до конца", потому что никто не знает, где этот конец, мы продвигаемся немного дальше в прочтении документов, в таких измерениях, в которых глаз не может ничего видеть непосредственно, там, где современные физики применяют ультрамикроскоп; так и мы — находим в прошлом след, точный след каких-то фактов, предшествовавших тем, какие мы знали, включая его в процесс обычных сравнительных наблюдений и интерпретируем это новое сравнение так, как я вам вкратце рассказал. Мы не конкурируем со специалистами по доисторическому периоду в исследовании этого периода — у них свои проблемы и своя техника, — мы помогаем историкам римской, индийской, иранской и других цивилизаций немного продлить их историю, рассеять прежде всего полумрак, в который погружено ее начало. Это будет, если вам угодно, **ультраисторией** в каждой из этих областей.

* * *

Я не излагаю перед вами программу работ, которые надлежит провести в ближайшие годы; поиск, подобный этому, должен быть свободным, готовым к непредвиденным находкам. Но я могу дать вам представление о типах исследований и о проблемах, которые могут встретиться.

Во-первых, мы продолжим установление индоевропейских совпадений как таковых. Это, я думаю, наше главное призвание. Эта работа ведется в двух направлениях: изучение новых сочетается с возвратом к старым, так как последние должны постоянно пересматриваться сами по себе и в связи с позднейшими открытиями.

Далее, с учетом уже найденного нами и того, что эта отправная точка находится в какой-то степени вне истории, мы можем и должны, применительно к каждому из древних индоевропейских обществ, обращать-

ся к его истории, заниматься не только совпадениями, но их различиями, т. е. уточнять, каким образом то, что мы признаем общим наследием, подправлялось, развивалось или чахло или иначе освещалось или пронизывалось новым духом или включалось в другие системы представлений и учреждений; надо определять также, если это возможно, факторы этой ранней или поздней эволюции; как видите, это подлинно исторические проблемы. Что же касается возникновения легенд о царском Риме или зороастрийской теологии, то исследования этого типа уже начались. Их надо продолжать, и если подход к какому-то вопросу дает благоприятный результат, его надо применить и в других случаях.

Соответственно, нам приходится дискутировать, критиковать. Не зная сравнительных индоевропейских исследований, специалисты по Риму, Индии, Скандинавии и т. д. составляют представления об "ультра-исторических" началах обществ, которые они исследуют. Они на свой лад решают проблемы их происхождения и навязывают эти решения. Но, как и во всех случаях закодированного решения неопределенных проблем, эти представления неизбежно содержат большую долю произвольного; каждый придает неизвестному элементу "индоевропейского наследия" значение по своему выбору, а ценность этого выбора обычно нулевая, этими мнениями можно пренебречь (вспомните текст Нильссона), а на этой основе высчитываются другие элементы и по первым результатам подсчетов делаются выводы. Наши исследования, пусть они не завершатся решением проблемы (остаются неизвестные элементы, прежде всего тайна субстрата), внесут большой вклад в ее решение: будет приблизительно определено количество элементов "индоевропейского наследия".

Мы должны с уважением относиться к трудам ученых, но мы должны дать менее неполное, менее неверное изложение основных проблем и тех, что из них вытекают, снова поставив ряд вопросов, которыми слишком быстро перестали заниматься, и наоборот, избавиться от ложных проблем, порожденных произвольными гипотезами.

Эта дискуссия важна и для самой филологии, ее легко предвидеть, когда встанет вопрос об оценке источников. В целом произвольные построения, о которых я говорил, могут быть отвергнуты на основании самих документов, индийских, скандинавских, латинских и т. д. Уже пятьдесят лет во всех филологиях наблюдается тенденция относиться к источникам с подозрением, отличать ценность этих мешающих свидетелей, а это великие свидетели, но нам говорят, что это творения художников, которые просто выдумывают без злого умысла, или это были комбинаторы, создававшие мозаики; или ограниченные умы, которые ничего не понимали, или мыслители, которые все изменяли, или даже фальсификаторы — эта тенденция наметилась в XVIII веке; Брахмани, авестийские Гаты, Снорри, Саксон, Тит Ливий, Варрон, Сервий — никто не мог устоять перед учеными критиками, безудержными, не знающими никаких пределов, — от книги к книге, от статьи к статье они побивали собственные рекорды. Позиции, которые мы занимаем теперь, несколько вне истории, начало отпора этой тенденции, результаты сравнительных исследований позволяют нам критиковать критиков. Почти во всех случаях этот контроль приводит к реабилитации жертв, подозреваемые оказываются честными. Первая книга Тита Ливия, если понять ее форму и меру того, что она дает, — замечательный источник. Овидий в "Фастах" — фольклорист и мифотворец высокого класса. "Гаты" Зороа-

стра — это катакомбы, к которым нет ключа и в которых нет отдушин. "Брахманы" с их спекуляциями, легенды и эпические поэмы Индии хранят много ценной информации. С этого года, с этой субботы, первой книгой о "Датской истории" Саксона Грамматика мы начинаем разбор подобных суждений.

Другой тип проблем касается промежуточных звеньев, которые существовали какое-то время между индоевропейским единством и известными историческими обществами. Наиболее важна индоиранская документация. Есть и другие источники, принадлежащие латинам, которые VIII веке до н. э. только-только выделились из италийского единства, и скандинавам, которые всеми фибрами были связаны с германским единством. Следует уточнить, что эти объединения наблюдаются с двух концов, исходя из того, что последовало, и из того, что предшествовало. Эти соображения, несомненно, часто приводят к подправлению наших первых представлений, что, разумеется, можно только приветствовать. В этом году, в четверг, мы начинаем исследование этого порядка: развивая изложенные десять лет назад тезисы о двух верховных богах, Митре и Варуне, мы займемся коллегией ведических верховных богов, Адитьями, группирующимся вокруг двух главных богов; мы будем их изучать, чтобы выявить систему, и учитывая признанные однородными иранские представления, мы постараемся определить, в какой мере эта система индоиранская, а в какой — сугубо индийская.

Наконец, мы несколько удалимся от индоевропейцев: изучаемые феномены в той особой форме, в какой они охватывают всю эту область или ее часть, станут понятнее, если мы будем сравнивать их не для того, чтобы установить генетическое родство, а чтобы классифицировать их по типу; эти более или менее однородные феномены встречаются в других областях,

близких к ним или далеких от них. Эта работа выходит за мои пределы. Но поскольку в этом доме не преподавалась основанная М. Моссом из французской школы социологов сравнительная социология, чтобы это место было достойно той славы, какой оно пользуется за рубежом, надо чтобы тем, кто не является социологами, но знают, сколь важно знакомство с идеями Марселя Мосса, Анри Юбера и Марселя Гране, время от времени хотя бы напоминали о существовании этих капитальных трудов.

Вот, господа, пять или шесть подъемных клетей этого курса, в которых грозно рычат проблемы, которые трудно перечислить — так их много. По субботам и четвергам мы будем заниматься двумя из них, которые нас особенно интересуют. Каждой рождающейся дисциплине приходится вести борьбу, и от нас потребуются смелость и скромность, признание возможности впасть в ошибку, но и решимость, если мы узнаем или нам сообщат что-то новое, сделать это занятие плодотворным путем изучения условий, которые сделали возможным этот феномен или благоприятствовали его появлению. Благодаря отбору людей, которые представляют здесь эту науку, уже развитую, но постоянно стремящуюся к новым завоеваниям, эти стены увидят не безупречную выставку рафинированных знаний, а поиски на ощупь, раскаяние, постепенное приближение к истине, рождение в муках того, что позже, гораздо позже превращается в учебники, а сейчас это беззащитные маленькие истины».